

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя Ф., адвоката Б., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам Ф. от 10 ноября 2021 года (вх. № ... от 11.11.2021) и от 10 января 2022 года (вх. № ... от 10.01.2022) в отношении адвоката Б. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 19 января 2022 года адвокатом Б. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями № 9 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению», утвержденными Советом 24 сентября 2015 года, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ф. (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся в принятии им в период с 21.00 час. 20 августа 2020 года по 00.10 час. 21 августа 2020 года участия в качестве защитника по назначению по уголовному делу № ..., находившемуся в производстве следователей ... отдела СЧ по РОПД СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве, в условиях неистечения 24-х часового срока с момента фактического задержания Ф. в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: в допросе Ф. в качестве подозреваемой; в очной ставке между подозреваемым Фи. и подозреваемой Ф.; в предъявлении Ф. обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ; в допросе обвиняемой Ф.; в избрании в отношении обвиняемой Ф. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Кроме того, в том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Б. по жалобам Ф. от 10

ноября 2021 года (вх. № ... от 11.11.2021) и от 10 января 2022 года (вх. № ... от 10.01.2022), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Б. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, согласился с выводами Комиссии. Заявил, что признает нарушение в том, что принял на себя защиту в качестве защитника по назначению по уголовному делу до истечения 24 часов с момента фактического задержания Ф. Это нарушение он осознал, просит учесть, что никакой личной выгоды не преследовал, действовал исключительно в интересах Ф. Ни о каких угрозах в её адрес со стороны сотрудников полиции или следователя ему не было известно, и Ф. ему об этом не сообщала. На состояние здоровья в тот момент Ф. ему не жаловалась, заявила о том, что у нее недомогание только в ходе допроса в качестве обвиняемой, в связи с чем следственные действия были завершены. Также он не согласен, что его участие заключалось только в присутствии при проведении следственных действий. В ходе очной ставки он давал Ф. консультации о возможности воспользоваться статьей 51 Конституции РФ. В ходе допроса в качестве обвиняемой, после консультации с ним, Ф. отказалась выразить отношение к обвинению и давать какие-либо показания, что зафиксировано в протоколе. Участие в следственных действиях в ночное время было обусловлено позицией Ф., которая хотела, чтобы ее не задерживали и отпустили домой под подписку о невыезде. Он разъяснил Ф. положения части 3 статьи 164 УПК РФ о том, что следственные действия в ночное время не допускаются, кроме исключительных обстоятельств. Он не стал настаивать на переносе следственных действий по причине ночного времени исключительно в связи с тем, что Ф. не возражала против их проведения.

При назначении ему наказания просит учесть, что у него дисциплинарных взысканий нет, не было намерений каким-либо образом злостно или умышленно навредить Ф., ухудшить ее положение, осуществляя защиту.

Заявитель Ф. в заседании Совета подтвердила своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводом Комиссии о необходимости частичного прекращения дисциплинарного производства не согласилась, поддержала свои письменные возражения. Дополнительно пояснила, что адвокат Б. не оказал ей никакой помощи, только указывал места в процессуальных документах, где нужно поставить подпись.

Ранее в Адвокатскую палату города Москвы поступили возражения заявителя Ф. от 21.03.2022 (вх. № ... от 21.03.2022) на Заключение Квалификационной комиссии, где она указала, что с указанным выше выводом Комиссии категорически не согласна. На момент прибытия адвоката Б. в УВД она находилась в крайне подавленном состоянии и вообще не понимала, что происходит, поскольку в ее адрес со стороны оперативных сотрудников на протяжении всего дня 20.08.2020 высказывались угрозы посадить ее в тюрьму на долгий срок, если она не подпишет написанные ими показания. В этой ситуации адвокат Б. должен был стать именно ее защитником, заявить о невозможности

проведения следственных действий по причине неудовлетворительного состояния ее здоровья. Однако, как следователь, так и адвокат Б. придерживались позиции, что чем быстрее она подпишет протоколы допросов, тем быстрее уедет домой.

Приводя далее выдержки из Заключения Квалификационной комиссии, заявитель Ф. подчеркивает, что в ходе проведения следственных действий адвокат Б. не сделал ни одного заявления, не заявил ни одного ходатайства, не задал ни одного вопроса не только по обстоятельствам дела, но даже о наличии у нее заболеваний и состояния здоровья в период производства следственных действий. Положения закона о недопустимости следственного действия в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательств, ей не разъяснялись ни следователем, ни адвокатом Б. Отсутствие заявлений и возражений относительно проведения с ее участием следственных действий в ночное время связано с ее незнанием данного запрета. Настаивает на том, что перед началом допроса в качестве подозреваемой не имела реальной возможности конфиденциально пообщаться с адвокатом Б. для того, чтобы согласовать с ним свою позицию.

Адвокат Б. принес ей извинения в заседании Квалификационной комиссии, а также в ходе телефонных бесед предлагал различную помощь, в том числе и финансовую, от которой она отказалась.

Отвечая на вопросы членов Совета, заявитель Ф. сообщила, что она обратилась с жалобой на адвоката Б. спустя 1 год и 3 месяца после произошедших событий, поскольку после этих событий у неё ухудшилось здоровье, и она наблюдалась у врачей, поэтому долго не могла ознакомиться с делом. Её показания, данные на следствии, отличаются от тех, которые она дает по делу сейчас.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав заявителя Ф. и адвоката Б., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что 20 августа 2020 года в 10.01 час. в АИС АПМ от следователя ... отдела СЧ по РОПД СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве Т. поступило требование (заявка № ...) об обеспечении участия защитника для осуществления защиты Ф. в порядке, установленном ст. ст. 50 и 51 УПК РФ на стадии предварительного расследования. В тот же день в 13.01 час. указанную заявку принял адвокат Б., который вступил в уголовное дело в качестве защитника Ф., представив ордер от 20 августа 2020 года № ... Затем в 21.00 час. следователем с участием защитника Б. был составлен протокол задержания Ф. по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ с разъяснением прав, предусмотренных ч. 4 ст. 46 УПК РФ и ст. 51 Конституции РФ, который подписан Ф. и её защитником Б. без замечаний и заявлений.

Адвокат Б. в период с 20 по 21 августа 2020 года принял участие в допросе подозреваемой Ф.; в очной ставке между нею и подозреваемым Фи.; в предъявлении Ф. обвинения по ч. 4 ст. 159 УК РФ; в её допросе в качестве

обвиняемой; в избрании в отношении Ф. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. В ночное время с участием заявителя Ф. и защитника Б. проведены очная ставка (20 августа 2020 года с 22.04 час. по 22.34 час.), а также предъявление обвинения и допрос Ф. в качестве обвиняемой (с 23.50 час. 20 августа 2020 года по 00.10 час. 21 августа 2020 года).

Из доводов жалоб Ф. следует, что она выдвигает против адвоката Б. следующие дисциплинарные обвинения:

- в уклонении от согласования с ней позиции по уголовному делу и неоказании ей какой-либо юридической помощи в ходе следственных и иных процессуальных действий;

- в неразъяснении ей права отказаться от участия в следственных и иных процессуальных действиях, проводимых в ночное время, а также в нереагировании на данное обстоятельство;

- в нереагировании на угрозы следователей в адрес Ф. и на неудовлетворительное состояние здоровья Ф. при производстве следственных и иных процессуальных действий;

- в покидании места производства её допроса до его окончания, либо в подписании протокола её допроса в качестве обвиняемой, содержащего заведомо недостоверные сведения о времени его проведения;

- в неразъяснении ей права на приглашение защитника по соглашению в том случае, если она не желает пользоваться помощью защитника, назначенного следователем, и, как следствие в участии 20 - 21 августа 2020 года в производстве следственных и иных процессуальных действий в качестве её защитника в условиях истечения 24 часов с момента ее фактического задержания.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в уклонении адвоката Б. от согласования с Ф. позиции по делу и неоказании ей какой-либо юридической помощи в ходе следственных и иных процессуальных действий, Совет учитывает пояснения адвоката Б. о том, что в ходе первого свидания с Ф. он провел с ней конфиденциальную беседу, в процессе которой, в числе прочего, согласовал позицию по делу, разъяснил ей право давать показания или отказаться от дачи показаний, а также ответил на интересовавшие Ф. вопросы. В то же время заявитель Ф. в своей жалобе не конкретизировала, в чем именно выражалась несогласованность позиции адвоката Б. и Ф. по делу, а в представленных Ф. в материалы дисциплинарного производства документах противоречие позиций защитника и его доверителя не усматривается.

Оценив приведенные обстоятельства, Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что дисциплинарное обвинение в уклонении адвоката Б. от согласования с подзащитной Ф. позиции по уголовному делу и в неоказании ей какой-либо юридической помощи в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий подтверждения не нашло.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Б. не разъяснил Ф. право отказаться от участия в следственных и иных процессуальных действиях в ночное время, Совет принимает во внимание на

объяснения адвоката Б. о том, что он разъяснил Ф. положения ч. 3 ст. 164 УПК РФ. При этом из представленных в материалы дисциплинарного производства протоколов очной ставки с участием подозреваемой Ф. и допроса Ф. в качестве обвиняемой от 20 августа 2020 года не следует, что Ф. возражала против производства следственных действий с ее участием в ночное время.

Кроме того, адвокат Б. справедливо указывает на то, что отложение проведения следственных и иных процессуальных действий после 22.00 час. 20 августа 2021 года на более позднее - дневное время - с высокой вероятностью повлекло бы за собой помещение Ф., задержанной в порядке, предусмотренном ст. ст. 91 – 92 УПК РФ, в изолятор временного содержания, что очевидно не отвечало бы её интересам, в то время как после завершения её допроса в качестве обвиняемой к ней была избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о необоснованности дисциплинарного обвинения в неразъяснении Ф. адвокатом Б. права отказаться от участия в следственных действиях и иных процессуальных действиях, проводимых в ночное время, а также в нереагировании адвоката Б. на данное обстоятельство.

Не доказаны в ходе дисциплинарного производства и дисциплинарные обвинения в том, что адвокат Б. не отреагировал 20 августа 2020 года на угрозы следователей в ее адрес, а также на неудовлетворительное состояние ее здоровья. Адвокат Б. категорически отрицает, что следователи угрожали Ф. в его присутствии, а также что подзащитная Ф. сообщала ему о таких угрозах. Доказательств обратного в дисциплинарном деле не представлено.

К аналогичному выводу Совет приходит и при оценке доводов заявителя Ф. о нереагировании адвоката Б. на неудовлетворительное состояние ее здоровья.

Действительно, в протоколе очной ставки от 20 августа 2020 года и протоколе допроса Ф. в качестве обвиняемой за ту же дату содержится следующее её заявление: *«Сильно устала, от дачи показаний отказываюсь, не возражаю против оглашения моих показаний»*. Однако данное заявление не может рассматриваться как требование об оказании медицинской помощи и не предполагало какого-либо специального реагирования адвоката Б.

Кроме того, в протокол допроса Ф. в качестве обвиняемой от 20 августа 2020 года занесено следующее её заявление: *«Ранее данные мной показания ... в ходе допроса свидетеля и подозреваемого, подтверждаю в полном объеме. В настоящий момент чувствую себя не очень хорошо в связи с общей усталостью и недомоганием. Отношение к виновности или невиновности в настоящий момент высказывать не желаю, поскольку не все обстоятельства обвинения соответствуют действительности. Подробные показания по обстоятельства дела дам позже»*. Хотя данное заявление Ф. содержит сведения о «недомогании», Ф. в ходе данного допроса не давала каких-либо иных показаний. При этом сам допрос Ф. в качестве обвиняемой был произведен с 23.50 час. 20 августа 2020 года по 00.10 час. 21 августа 2020 года, то есть в течение 20 минут.

Таким образом, материалами дисциплинарного производства подтверждаются объяснения адвоката Б. о том, что о недомогании Ф. сообщала только в ходе допроса в качестве обвиняемой, и это было одним из оснований прекращения следственных действий с ее участием в тот день.

Давая оценку дисциплинарного обвинения в покидании адвокатом Б. места производства допроса обвиняемой Ф. до его окончания, либо в подписании протокола её допроса, содержащего заведомо недостоверные сведения о времени его проведения, Совет отмечает, что протокол допроса Ф. в качестве обвиняемой от 20 августа 2020 года не мог быть подписан защитником Б. в случае покидания им места производства следственного действия до его окончания. Сведений о подобных действиях адвоката Б. данный протокол также не содержит. Незначительное несоответствие указанного в ответе УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве от 29 декабря 2021 года времени покидания адвокатом Б. здания этого УВД (23.58 час.) и указанного в протоколе времени производства допроса обвиняемой Ф. (с 23.50 час. по 00.10 час.) не может являться достаточным доказательством неисполнения адвокатом Б. своих профессиональных обязанностей. Кроме того, в жалобах заявителя Ф. не содержится сведений о том, почему она считает, что неточность в указании времени производства допроса могла быть допущена именно следователем, и исключает возможность аналогичной ошибки в книге учета посетителей. Не приводится заявителем и доказательств того, что адвокат Б. должен был заведомо знать о недостоверности времени производства следственного действия, указанного в рассматриваемом протоколе.

Кроме того, Совет принимает во внимание объяснения адвоката Б. о том, что он не был осведомлен о времени покидания УВД, зафиксированном постовым сотрудником полиции, а также не мог проверить правильность отражения в книге учета посетителей времени его посещения.

При таких обстоятельствах Совет признаёт неопровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Б. в части проанализированных выше дисциплинарных обвинений и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в этой части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Б. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Б. не разъяснил Ф. право на приглашение защитника по соглашению в том случае, если она не желает пользоваться помощью защитника, назначенного следователем, и принял 20 – 21 августа 2020 года участие в производстве следственных и иных процессуальных действий в качестве защитника Ф. в условиях истечения 24 часов с момента ее фактического задержания, Совет исходит из следующего.

Согласно пп. «в» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года), в рамках первого свидания с подозреваемым или обвиняемым адвокату следует разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению.

Адвокат Б. в ходе дисциплинарного производства не утверждал, что разъяснил Ф. данное право, ссылаясь на запямятование. Ему кажется, что Ф. говорила ему об отсутствии денег для оплаты работы защитника, но с уверенностью он этого утверждать не может. Кроме того, адвокат Б. признал, что не получал согласие подзащитной Ф. на осуществление ее защиты до истечения 24-х часового срока, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ для приглашения защитника.

Однако ни возможное упоминание Ф. об отсутствии у нее денег на оплату работы адвоката, ни отсутствие в протоколах следственных и иных процессуальных действий её возражений против участия адвоката Б., ни ее желание как можно скорее покинуть УВД не свидетельствуют о её добровольном отказе от реализации права на приглашение защитника по своему выбору и согласии на осуществление ее защиты адвокатом Б. При этом в материалах дисциплинарного производства отсутствуют сведения об осведомленности Ф. о содержании ч. 4 ст. 50 УПК РФ, в силу которой следователь до истечения 24 часов с момента задержания подозреваемого вправе принимать меры по назначению ему защитника только в том случае, если явка защитника, приглашенного подозреваемым, невозможна.

Адвокат Б. обязан был руководствоваться Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 24 сентября 2015 года № 9 «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению», где, в частности, указано, что адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу, и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для явки приглашенного защитника. Кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок. Невыполнение данного разъяснения будет расцениваться как нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Оценивая приведенные выше фактические обстоятельства участия адвоката Б. в уголовном деле в качестве защитника обвиняемой (подозреваемой) Ф., Совет обращает внимание на то, что согласно протоколу задержания подозреваемого от 20 августа 2020 года Ф. была задержана в 21.00 час. 20 августа 2020 года. Адвокат Б., принявший поручение на осуществление защиты Ф. по назначению в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, и явившийся в УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве для осуществления ее защиты, был обязан принять участие в составлении протокола задержания подозреваемой Ф. от 20 августа 2020 года. Однако он был не вправе принимать участие в следственных и иных процессуальных действиях в качестве защитника Ф. до истечения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-х часового срока для явки

приглашенного защитника, поскольку не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки в этот срок адвоката, с которым заключено соглашение, им не было получено.

Несмотря на это, в нарушение приведенных выше Разъяснений Совета, адвокат Б. в период с 21.00 час. 20 августа 2020 года по 00.10 час. 21 августа 2020 года, то есть до истечения 24-х часового срока с момента фактического задержания Ф., принял участие в производстве следственных и иных процессуальных действий с участием Ф. Объяснения адвоката Б. о том, что он считал сомнительной саму возможность приглашения защитника на момент его вступления в уголовное дело в 21.00 час. 20 августа 2020 года, а также его ссылка на то, что Ф. была фактически задержана рано утром 20 августа 2020 года, Советом отклоняются. В протоколе задержания подозреваемой Ф. от 20 августа 2020 года указано время задержания - 21.00 час. При этом ни Ф., ни адвокат Б. каких-либо заявлений относительно иного времени фактического задержания при составлении данного протокола не сделали.

Поскольку в силу вышеприведенных Разъяснений Совета обязанность по выяснению точного времени фактического задержания Ф. лежала на адвокате Б., он был обязан отразить его, в том числе, и при составлении протокола задержания в том случае, если следователем время задержания Ф. было указано неверно. Кроме того, даже в случае фактического задержания Ф. утром 20 августа 2020 года на момент вступления адвоката Б. в уголовное дело 24-х часовой срок явки приглашенного защитника не истек.

При таких обстоятельствах Совет признаёт, что адвокат Б., вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, ненадлежащим образом исполнил профессиональные обязанности перед доверителем Ф., приняв участие в качестве защитника по назначению в проведении следственных и иных процессуальных действий с участием Ф. до истечения 24-х часов с момента ее фактического задержания.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Б. за допущенное дисциплинарное нарушение, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, повлекший нарушение права доверителя Ф. на свободный выбор защитника и свидетельствующий о неисполнении адвокатом Б. своих профессиональных обязанностей, включая неукоснительное соблюдение решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Одновременно с этим Совет учитывает, что адвокат Б. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, признал совершенное нарушение и принес извинения заявителю Ф. за недостаточные активность и настойчивость в отстаивании ее прав.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Б. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного

разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату Б. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями № 9 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению», утверждёнными Советом 24 сентября 2015 года, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ф. (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся в принятии им в период с 21.00 час. 20 августа 2020 года по 00.10 час. 21 августа 2020 года участия в качестве защитника по назначению по уголовному делу № ..., находившееся в производстве следователей ... отдела СЧ по РОПД СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве, в условиях неистечения 24-х часового срока с момента фактического задержания Ф. в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: в допросе Ф. в качестве подозреваемой; в очной ставке, проведенной между подозреваемым Фи. и подозреваемой Ф.; в предъявлении Ф. обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ; в допросе обвиняемой Ф.; в избрании в отношении обвиняемой Ф. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Б. по жалобам Ф. от 10 ноября 2021 года (вх. № ... от 11.11.2021) и от 10 января 2022 года (вх. № ... от 10.01.2022), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков